

Александр Гай:

«МОЙ ЛЕГКИЙ ТРУДНЫЙ ПУТЬ...»

идет вперед и выдвигает все новые и новые идеи. И так будет всегда. Однако я признаю «вечность» многих вопросов — любовь к родной земле, честность, доброта, мужество — все то, о чем актер обязан говорить со сцены, в этом смысл нашей работы.

Как и всем, мне, конечно, хочется, чтобы зритель не уходил равнодушным, чтобы, покидая зал, что-то новое, пусть еще неосознанное, рождалось в нем, чтобы он чувствовал: я человек! Сознание этого, согласитесь, ко многому обязывает. Но, быть может, более всего мне хочется, чтобы люди, побывав в театре (если уж отвечать прямо на ваш вопрос), сильнее ощущали полноту жизни, радость от того, что мы существуем, видим, например этот удивительный полдень, чтобы хотелось успеть сделать еще то, что задумали... Вы довольны ответом?

— Вполне, Александр Дмитриевич. Наверное, в том, что актер Гай стал таким, каким мы его знаем и любим, есть некоторая доля заслуг его учителей...

— Не некоторая — огромная. Я закончил школу-студию при втором МХАТе (тогда были два МХАТа). Моим первым педагогом была ученица Станиславского Серафима Григорьевна Бирман. Студия, конечно, многое мне дала, но более всего учился я в театре, на спектаклях, ведь мне удалось посмотреть лучшие работы Качалова, Москвина, Тарханова... Каждый спектакль с ними я смотрел по много раз. Разве это не школа? Еще как! Безконечно ценю мои встречи с Яхонтовым, великим художником слова Дмитрием Николаевичем Журавлевым. Они учили меня непреходящей творческой этике — ответственности перед зрителями и своими коллегами, дисциплине, работоспособности, любви к своему театру, к народу, для которого ты творишь. Театральная школа не выпускает готового актера — она только направляет. Сегодня всему этому я стараюсь учить своих учеников. Ведь кроме того, что я актер театра им. М. Заньковецкой, я еще — профессор Львовской консерватории, стараюсь помочь будущим вокалистам постигнуть законы сценического мастерства, воспитывать певца-актера. Кроме того, в студии при театре им. М. Заньковецкой у меня было два выпуска. Актеры Владимир Глухой, Лариса Кадырова, Богдан Ступка — они вошли именно в число «моих» студийцев.

— Расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Родом я с Днепрпетровщины, из семьи рабочих. Жили мы рядом с заводом, и все предполагали, что судьба моя после получения аттестата зрелости известна, решена. Но я поступил иначе. Уехал в Москву с един-

ственной мыслью: стать актером. На прослушивании читал Пушкина, со страшным украинским акцентом. Меня спросили: как же собираюсь играть в русском театре с таким акцентом? Я смутился невероятно и что-то невнятное промямлил, решив, что все, отказали. Но меня все-таки приняли. Затем — театр имени Ермоловой, ансамбль имени Александрова. В 1939-м стал коммунистом. В первые дни войны ушел добровольцем на фронт, воевал под Вязьмой, солдатом, однако, пробыл недолго — до конца войны принимал участие в концертных бригадах. Довелось выступать вместе с Шульженко, Руслановой, многими известными ныне актерами... В театре им. М. Заньковецкой я с 1947 года.

— А какие свои работы вы считаете этапными?

— К каждой роли готовился по-своему, и каждая приносит в твою жизнь что-то новое. Но ни разу я так не волновался, не готовился к работе так серьезно, так скрупулезно, как к роли Владимира Ильича. Она требовала от меня всего моего жизненного и актерского опыта. Это было в 1955 году. Режиссер Борис Хомич Тяго ставил «Кремлевские куранты». К этому времени я был уже заслуженным артистом УССР и, чего греха таить, думал: все мне по силам... А тут — растерялся. Потом составил индивидуальный план, попросил загодя прийти для меня костюм, подобрать грим, объясняя: нужно ко всему этому привыкнуть. Но это были внешние детали, а мне были нужны внутренние рычаги. И я искал. Переговорил со множеством людей, читал книги, смотрел киноленты, обратился к воспоминаниям людей, знавших Владимира Ильича.

Как я уже говорил, жили мы с родителями у большого завода. Тогда не было еще радио, не получали газет. И однажды январским днем услышали протяжные заводские гудки. Потом с работы пришел отец, и мы узнали: умер Ленин. Я до сих пор помню лицо отца в ту минуту, его чуть надтреснутый голос, когда он сказал: «Умер Ленин...» Не было, не могло быть страшнее и горше известия. Эти два страшных слова долго звучали в моих ушах, когда я репетировал: как напоминание об ответственности, как требование — играть так, как не играл до этого никогда.

Впрочем, «Кремлевскими курантами» моя Ленинана только начиналась. Потом были «Третья патетическая» Н. Погодина, «Правда» А. Корнейчука и «Коммунист» Е. Габриловича, «Между ливнями» А. Штейна, «Покушение на Прометея» Д. Усланова.

— А ваши работы в кино? Вот и сейчас мы говорим, а вы посматриваете на часы... Сегодня вы должны улететь в Москву, на новые съемки. В какой роли будете сниматься?

— В роли адвоката в фильме «Государственный обвинитель». Это будет картина о судебном процессе над Пауэрсом. Передо мной стоит нелегкая задача. Я — советский человек, а защищать мне нужно по долгу службы американского шпиона. Какие слова здесь найти для оправдания, какие чувства в себе вызвать?..

— Для вас это каная по счету кинороль?

— Снялся я приблизительно в двадцати фильмах. Среди них — «Григорий Сковорода», «Мир хижинам — война дворцам», «Тени забытых предков», «Семья Коцюбинских», «Дума про Ковпака», «Тайны святого Юра». Были и приключенческие — «Аквапанги на дне», «Сокровища пылающих скал», «Ключи от неба»...

— У вас совсем мало времени осталось до вылета, а мы еще не поговорили о вашей общественной работе. Вы — председатель правления Львовского театрального общества, не рассказали и о ваших работах на радио, телевидении...

— Коротко скажу: готовлю программы со стихами Шевченко, Рыльского, Тычины, Батрицкого. К сожалению, в последние годы в театре имени М. Заньковецкой я занят мало, а на месте стоять нельзя — губительно для актера.

— Часто ли вам антерская судьба преподносила неожиданности?

— Смотря что называть неожиданностями. Роли, которых я не ждал? Но режиссеры-то видели меня в этих ролях, а значит — это было закономерно. Сейчас для меня новой, долгожданной, выстраданной неожиданностью была бы новая работа в театре, образ современный, сложный, многогранный. Это серьезно, а если в шутку, для того, чтобы расстаться с вами, а значит, и с читателями «Львовской правды» с улыбкой, я расскажу об одной комической неожиданности, которыми актерская, театральная судьба полна. Играл я Андрея в «Тарасе Бульбе». Сцена, когда Тарас карает сына-предателя. Вот сейчас эй убьет Андрея (у меня трагическое лицо, нервы у зрителей напряжены). Актер В. Яременко поднимает ружье, стреляет. Но... осечка, второй выстрел — осечка, третий — то же самое. Тогда Яременко не терпится и говорит: «Ах, тебя пуля не берет, так я тебя саблей зарублю». Вынимает саблю. А тут, чтобы помочь нам, за сценой раздается выстрел — я падаю.

— От пули или от сабли?

— От смеха. Зрители были в полном восторге... Все, я рискую опоздать к вылету.

— Большое спасибо. Удачи вам на съемках. Но все же на прощание повторите еще раз ваш любимый афоризм.

— Не мой, а Бирман — она его мне «подарила», и я всегда следую ее словам: «Если перед тобой на выбор два пути — легкий и трудный, не колеблясь, выбирай трудный, и тебе будет легко...»

И. ЕГОРОВА.
Корр. «Львовской правды».

Актер — профессия воспитательная по своей природе, высокогражданственная. В наши дни она породила большой интерес к личности человека, умеющего зримо выражать идеалы нашего современника, интерес к его мыслям, богатству его духовного мира, его суждениям по поводу многообразных явлений жизни.

Наш корреспондент беседует с одним из мастеров украинского советского театра, народным артистом СССР Александром Дмитриевичем Гаем, которому сегодня исполняется 70 лет.

— Астров в «Дяде Ване», Юлиан в «Любови на світани», Андрей в «Тарасе Бульбе», художник Верба в «Калиновому гаї», Гамлет и Кречинский... Можно еще долго перечислять ваши роли. Их много, и они такие разные. Александр Дмитриевич, можете ли вы теперь, когда за вашими плечами такая большая актерская судьба, ответить: была ли у вас тревожащая вас мысль, проблема, жизненная идея, которую вы старались выразить со сцены и которая объединяла бы если не все, то многие ваши работы?

— Нет, я не могу сказать, что меня тревожила «одна, но пламенная страсть». Их много. Одни проблемы я уже пытался решить, о других, я надеюсь, еще скажу. Жизнь